

Алексей Дьяченко

Шалопут

Алексей Дьяченко

Шалопут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18324214

ISBN 9785447462581

Аннотация

Шалопут – это книга о приключениях Василия Даниловича Грешнова и его друзей: Никандра Уздечкина и Влада Сморкачёва. Рекомендуется к чтению людям с чувством юмора.

Содержание

Глава первая. Оруженосцы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Шалопут

Алексей Дьяченко

© Алексей Дьяченко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Оруженосцы

1

Привязывая собаку к металлической трубе у Нинкиного подъезда, Василий думал о том, что неприятности похожи на разбойников – выскакивают неожиданно все сразу и бьют наотмашь, не давая опомниться.

Из вчерашнего разговора с женой он узнал, что она беременна и не собирается делать аборт. «Это чей же ребёнок ей так дорог? Неужели мой? Раньше чистили и даже в известность не ставила, а теперь – ни в какую. Мудрецы давно подметили – нет в семейной жизни ничего, кроме неприятностей», – заключил Василий, нажимая на кнопку звонка.

Грешнов зашёл к Начинкиной пораньше только для того, чтобы не упустить из вида Ласкина. И Нина это знала. На электронном табло её часов светилось: шесть часов ноль ноль минут, тридцать первое августа, тысяча девятьсот девяносто седьмого года.

Хозяйка быстро, как она это умела, собрала на стол. Достала из холодильника водку и закуску.

Василий перекрестился и выпил, стал неспешно сообщать новости:

- Я сегодня в роли Игната Могильщика.
- Что такое? – испугалась Начинкина.

– Принцесса Диана погибла. Плакать хочется.

– Не убивайся, – облегчённо вздохнула Начинкина, – она того не стоит.

– Да не по ней, по себе плачу. В церкву не хожу, не исповедуюсь, не причащаюсь. А что, как умру? Распутная жизнь, как ещё раз мы все убедились, приводит к внезапной смерти.

– Солнце моё, ты же верующий. Смерти нет.

– Это я понимаю. Боюсь предстать перед Всевышним судией во всей своей мерзости. Скажет: «Ты же знал, что земная жизнь человеку дана для подготовки к вечной. Так-то ты, сукин сын, подготовился? А, ну-ка, бей его, ребята!». И черти возьмутся за меня. Станут наносить удары грязными копытами по лицу. Вонзать острые, волнистые рога мне под рёбра.

– Фу! Не хочу слушать. Ну и фантазия у тебя.

– Третьего дня ездили в Волоколамск на картофельные поля картошку воровать. Никандру тесть дал мохеровую вязаную кепку. И ночью, при свете луны... Я как глянул на него – стоит вылитый милиционер в фуражке. У меня сердце в пятки ушло. Чуть кондратий не приобнял.

– Зачем так далеко мотались? У нас в овраге огороды.

– У своих красть? Стыда не оберёшься. Можно куст-другой вывернуть, штук десять картофелин взять, на костре испечь, но не шесть же мешков выкапывать.

– Шесть мешков набрали? И что, «запорожец» увёз?

– Увёз.

– Ваш Никандр, как Самсон в фонтане Петергофа. Грудь широкая, тело атлетическое.

– Ну да. На скульптуру он похож. Даже той же бородой.

– Какой бородой? – засмеялась Нинка, – он тебе не старик Хоттабыч. Его сила заключалась в длинных волосах. Это библейский герой, его напоили, у пьяного волосы отстригли.

– Я даже знаю, кто. Наши школьные учителя, директор и завуч. Они, опасаясь силы учеников, всех нещадно болванили. Кричали: «Бога нет!». А сами по ночам, значит, Библию листали.

– И всё-таки ты в долгу перед ними.

– За что? За то, что в течение десяти лет дурака из меня делали?

– Я не про учителей. Про твоих верных оруженосцев. Они горбчатся на тебя за миску супа, а ты забираешь у них даже те деньги, которые им даёт Лев Львович. Смотри, сколько за год они успели. Подвал отремонтировали. Квартиру твою полностью. У меня всем на зависть европейский ремонт сделали. Теперь трудятся у бабы Паши. А ведь если бы платить им за работу, то они бы уже и себе на жилплощадь скопили.

– Им жилплощадь не нужна. А на нужды я им не отказываю. Вон, у Никандра две малиновых рубашки, дюжина красных носков с золотой нитью. В таких только Майкл Джексон со сцены поёт. Они сыты, пьяны, есть крыша над головой. Но ты права – совесть моя нечиста. Надо им что-то хорошее сделать. Я что-нибудь придумаю.

– Придумай, пожалуйста. Я тебя очень прошу. И, знаешь, не смогла вчера трусы найти. Мистика какая-то. Как корова языком..

– Без трусов ходишь?

– Почему? Сегодня, как положено «сандей» надела.

– Чего надела?

– У меня трусы из набора «Неделька», на каждый день свои.

– Я думал, такие уже не носят. Лет десять назад были в моде.

– Чистое, новое бельё всегда в моде. Мне два набора Майя Каракозова подарила, а ей из Лондона посылкой, на днях. А ты говоришь: «десять лет назад».

– А Миша всё лебезит перед ней, фальшивые слова говорит. А та кричит на мужа, не стесняясь людей, обзывает.

– Когда ты в Волоколамске картошку воровал, она сидела на твоём месте и жаловалась. Говорила, что супруг не ласкает. До того дошла, что своё отражение в зеркале целовать стала.

– Для чего? – не понял Василий.

– Для того, – огрызнулась Нина, – женщине внимания хочется, а если его нет...

– Понятно. Смешные люди, с жиру бесятся.

– А что им не беситься, детей нет. А тут, что случится, сдадут моего Доминика в дом инвалидов, как Костика Богохулова.

– Меньше водись с поганью, дольше проживёшь, – вырвалось у Грешнова.

– Вась, я, кроме тебя, ни с кем не «вожусь». Себя «поганью» называешь?

– Ну, прости.

– Ну, прощаю.

Начинкина о чём-то вспомнила и улыбнулась.

– Чего? – поинтересовался Василий.

– Да, Залесьев сватался. Говорил, случись с тобой что, стану опорой твоему сыну.

– Когда сватался?

– Да, всё тогда, когда ты картошку..

– Вот гад, ни на минуту отъехать нельзя. Со смерти Юрка еще год не прошёл.

– Да. А люди очередь уже занимают.

– Чего теряешься?

– Смеёшься?

– А Костика жаль. Но он в детстве всё, что хотел, получил. И лошадь металлическую, управляемую педалями, и велосипед у него был, который старшие ребята не отбирали. Сестру, видимо, обделяли во всём. Поэтому, когда родители умерли, она его фиктивно женила, ещё кое-какие махинации провернула, используя его инвалидность. А затем, с чистым сердцем, в дом скорби сдала.

– Я об этом и говорю.

– Нин, я всё понял. Но, муж из меня... Сама видишь. Чего

загрустила?

– Всё одно к одному. Бандиты заезжие в магазин приходили. Спрашивали, есть ли у меня «крыша».

– Скажи, Гимнаст моя крыша.

– Лев Львович не бандит. Он бизнесмен.

– Он такой бизнесмен, что страшнее всякого бандита. Его все знают и боятся.

– Может, у нас и знают, а приедем-то что? Был бы у меня муж, он бы заступился.

– Но я же тебе не муж.

– Так в чём дело? Всё есть. И квартира четырёхкомнатная, и магазин, и медцентр. Да и я стараюсь за собой следить.

– А Наталья? Она не даст мне развода. А Олеся? Дочь не простит. Да и с Бертой кто гулять будет? Вон, попросили один раз твою, целующую зеркала. Майя выгуляла, пришлось потом щенков топить. Я тебя люблю, ты это знаешь. А чтобы жизнь менять, это выше моих сил. Пусть всё остаётся так, как есть. Перемены всегда всё портят.

– Да, – грустно признала Начинкина.

– Согласна? – удивился Василий.

– Ты мне не муж. Господи! – взмолилась Нина, – пошли мужа и защитника.

– Правильно. Молись. Бог не оставит без внимания искреннюю молитву. Обязательно мужа пошлёт.

– Ты серьёзно?

– Серьёзнее не бывает. Человек получает по вере. Если

веришь, обязательно получишь то, что просишь.

– Я верю.

– Значит, даже не сомневайся. Будет у тебя муж. Чего опять нахмурилась?

– Да, Локотков ультиматум поставил. Он испугался бандитов. Говорит, или договаривайся с ними, или ищи себе другого сторожа. Говорю: «Даже Игнат их не боится». «Игнат – дурак, а дураки ничего не боятся. В общем, ты меня услышала». Так что придётся Игнату пока без сменщика работать. Согласится ли? У него же в овраге хозяйство, козы.

– Согласится. С телевидения к нему приезжали, он всё о себе рассказал, показал питомцев, молочком репортёра угостил. Те материал показали в новостях. Стоит Игнат на фоне картонной лачуги, а вокруг него стадо коз. Получилось всё, как в сказке «Чипполино» с домиком кума Тыквы. Картонный дом, построенный Огоньковым, сломали. А коз забрали, якобы в уплату за работу бульдозера.

– Ой, бедный. А Игнат что же?

– Соорудил себе новый дом, накрыл полиэтиленом, приглашает на новоселье.

– Чёртовы власти!

– Да нет. Это перегибы на местах. Власть сейчас хорошая. И нравы, несмотря на всё, смягчаются. Был в парикмахерской, даже не просил, мастер сам мне из ушей специальной насадкой волосы выстриг. А в советские времена, помню, мой дедушка Пётр Кононович, попросил, чтобы выстригли,

так был целый скандал. Молодая девчонка-мастер кричала: «Да не стану я вам волосы из ушей выстригать! Идите, жалуйтесь заведующему!».

Нинка посмеялась и стала подавать горячее. Одновременно с этим заводила любимые мелодии, с помощью которых пыталась успокоиться.

– Я на годовщину с собой «оруженосцев» приведу? – спросил разрешения Василий.

– Приводи, – охотно согласилась Начинкина, – может, раковину в ванной как следует закрепят. Ты, пьяный, имеешь привычку всем своим весом на неё наваливаться. Качается уже. Кто они такие, твои «оруженосцы»? Расскажи о них.

– Ну, ты, Нин, даёшь. Два месяца у тебя работали, ремонт делали. Так и не узнала?

– Я же с ними бесед не вела.

– Никандра взял от Анны Тихоновны Огоньковой, а Сморкачёва – с Москвы-Товарной-Рязанской. Начали они с ремонта подвала. Сделали там кухню, ванную, туалет. Все помещения. Проводку заменили на новую. Затем таскали туда старинную мебель из бывшего комиссионного. А кончилась эпопея тем, что меня с ними оформили в этом подвале сторожами. Это долгая смешная история. Когда я привёл Никандра к себе в подвал, на нём была лишь разорванная рубашка и желание чего-нибудь украсть. Я накормил его, сказал: «надень что-нибудь моё». Уздечкин помылся и первое, что надел на своё чистое, атлетическое цыганское тело,

была майка, подаренная мне на день рождения Ласкиным. На майке красовалась надпись: «Я ваш следующий президент». Увидев Никандра с такой надписью на груди, я рассмеялся и мгновенно сочинил фильм. «Представляете, – говорил я, – крупным планом на экране – радиоприёмник. Шесть часов утра. Пикает радио, отсчитывает секунды. Сейчас зазвучит гимн и вдруг... Из ретранслятора доносится знакомая мелодия и приятный низкий баритон Дана Спатару поёт: «Я гитару настрою на лирический лад». Следующий кадр: «Запотевшее зеркало в ванной, красная распаренная рука в чёрных волосках, скользя по зеркальной поверхности, снимает с неё матовую испарину, и мы видим отражение бородатого лица Никандра, чёрную, как смоль, шевелюру, пористый нос, блестящие светло-карие глаза. Он начинает улыбаться во всю ширину своего рта, и вся ванная наполняется солнечными зайчиками. Это сам за себя говорит полный рот золотых зубов президента Никандра. Следующий кадр: «Всё тот же чарующий голос Дана Спатару, поющий «От зари до зари, от темна до темна», и мы видим колонну тяжёлых правительственных лимузинов, медленно въезжающую в Кремль через Боровицкие ворота».

Услышав всё это о себе, Уздечкин искренно, так, как может сказать только ребёнок, заявил: «Хочу быть президентом!».

– Так откуда он взялся?

– Не торопитесь, прекрасная леди. Наберитесь терпения

и слушайте. Было это на Преображение Господне, в ночь на девятнадцатое августа, в прошлом, девяносто шестом году. Пал Терентич и Анна Тихоновна готовили борщ. Старушка резала капусту, морковь, лук. Терентич натирал свёклу на тёрке, тушил её в растительном масле на маленьком огоньке. И удался у них борщ на славу. Жалко было есть. И сказала жена мужу: «Паша, милый супруг мой, сколько сил, сколько любви в него вложено, неужели всё это взять и в навоз превратить? Давай, не станем есть его, хотя бы до утра. Он для меня всё одно, что живой». А Никандр к тому времени, будучи совершенно пьяным, уже ввалился в незапертую квартиру и подслушивал разговор старухи со стариком. Уздечкин дождался, пока пенсионеры легли спать, съел борщ, разделся и обмазался остатками оного. Свеклой подкрасил щёки и разбудил сердешных. «Я, – говорит, – сынок ваш. Зовут меня Борщ, а отчество Павлович. Зародился я на кухне, у вас в кастрюле, в любви и взаимном согласии. Теперь кормите, одевайте, обувайте меня. Я ваш законный сын». Павел Терентьевич за молотком потянулся, а у Анны Тихоновны что-то в сердце шевельнулось. Признала в Никандре своего сына. И стали они жить втроём. Время проходит, Уздечкин живёт у стариков, ест, пьёт, горя не знает. Да наскучила цыгану домашняя жизнь. Выпил как-то за ужином лишнего и говорит: «Дай-ка, мама, сыну титьку пососать». Тут его и выгнали. Сам он из цыганского села под Ужгородом. Хороший работник, но только ветер в голо-

ве. Ни документов, ни дома, ни семьи. Смотрю, старается, думаю, пусть живёт.

– Нет, не так.

– А как?

– Во-первых, Никандр с Малоярославца. А было всё так. Детей у Павла Терентьича и Анны Тихоновны не было, за-сучали крепко по этому поводу старики. Павел Терентье-вич вернулся с огорода, принёс картошку и свёклу. У них же в овраге приличный огород, земляночка для хранения ин-вентаря. Сварили борщ и стали вслух мечтать: «Понюхай, какой душистый. Он словно живой. Если бы ожил, то стал бы нам вместо сына». Легли спать, а подслушавший разговор Никандр, съел целый котёл одним махом, да там же, у плиты, на полу, и уснул, свернувшись калачиком. Утром дед с баб-кой вышли на кухню, а там лежит голый мужик, весь в засох-шей грязи. Лицо в свекле измазано, глаза блестят весельем и радостью. Они спросили: «Кто ты?». Голый человек отве-тил: «Я сыночек ваш. Я тот борщ, который вы вчера свари-ли» и кинулся лобызать стопы ног родительских. И рассудок у стариков помутился. Поверили цыгану. С неделю он жил у них на правах сына, а потом...

– Что потом?

– Выпил с тобой и со смехом отрекомендовался, как су-щество, принявшее человеческий образ из сваренного в ка-стрюле борща. И ты его от стариков забрал.

– Ну, вот. Всё знаешь из первых уст.

– Я думала, ты расскажешь интересные подробности.

– Не расскажу. Тебе лучше меня всё известно.

– Лучше, но не всё. Откуда Влад появился? О нём я ничего не знаю. Молчал, как партизан.

– Не партизан, а дезертир твой Влад. Бросил военную часть во Владивостоке. На перекладных добрался до Новосибирска, а оттуда в вагоне багажного поезда, если память не изменяет, за номером девятьсот третий, приехал в Москву. На станцию Москва-Товарная-Рязанская. И стал в общезнании железнодорожников, где я работал вахтёром, промышлять воровством. Поймал я шустрого парнишку и взял к себе.

– Влад из Владика?

– Да. Хорошая работа у меня была, ни о чём голова не болела. Удивительные люди на железной дороге работают. Ни одного подлеца, все сплошь из чистого золота.

– Чего же ушёл?

– На их светлом фоне узрел свою нравственную нечистоту и счёл невозможным далее там работать. А на деле – Лев Львович твой предложил отремонтировать подвал и устроить там ломбард или филиал комиссионного магазина. Поделился я этим планом со Сморкачёвым, тот вызвался ремонт сделать, мебель на горбу таскать, так и прижился. Да, чуть не забыл. Позвонил мне претендент на целительство. Ну, помнишь, целитель?

– Какой целитель? – растерянно переспросила Нина.

– На вакантную должность в медцентр.

– Я думала, ты остыл, успокоился, – разочарованно произнесла Начинкина.

– Посмотреть-то можно, – виновато оправдывался Василий, – а может он не шарлатан, а самый что ни на есть настоящий.

История была недельной давности. Нина, как хозяйка медцентра, дала разрешение на замещение действующего целителя Валентина Валентиновича Мартышкина. А произошло это так. Грешнов был в гостях у Начинкиной. Выпивали, танцевали. В танце разговаривали.

– Эх, Нина, хотел я быть тоже умным. Старался прочитать Достоевского, Толстого, но не смог.

– И не надо.

– Как «не надо?». Люди же читают, хвалят. А мне не интересно. Получается, я глупее их? А ведь хочется быть не хуже других.

– Ты поэтому так убиваешься?

– Нет, не поэтому. Есть сказка. Пустил заяц в свой дом лису, волка, а они его из собственного дома выгнали. Эта сказка про меня. В детстве не понимал, как это так, а подрос, женился, лису в свой дом пустил, затем устроил её работать к этому волку Мартышкину. А они снюхались за моей спиной, стали пить-гулять, жизнь моя сделалась невыносимой.

– Фантазёр ты, Вася. Рос с матерью, тёткой, бабкой. Они

тебя заласкали. Застал, видишь ли, Наташку с Тин Тинымчем за столом с бутылкой и сделал из этого трагедию. Узрел измену. Она же до медцентра в платном хоре работала. У неё голос хороший. Пусть бы этим и занималась.

– В хоре пела? Прожорливые птицы не поют. А Мартышкин назвался волком, а хвост-то пороссячий.

Нина засмеялась.

– Клиника оформлена на меня. Хочешь, выгоним твоего Тин Тиныча и возьмём другого шарлатана. Какая нам разница?

– Постой, – обрадовался Грешнов. – Так значит, я могу конкурс на замещение вакантной должности объявить?

– Объявляй, – разрешила Начинкина.

И вот прошла неделя.

– Неудобно, – говорил Василий, – человеку назначено время. Он придёт, а ему от ворот поворот. Пусть покажет себя, сдаст экзамен. А отказать всегда можно.

– Я думала, Мартышкин твой друг. Опять же, спиртом бесплатным снабжает, – растерянно говорила Нина.

– Тин Тиныч друг, но истина дороже.

– Я думала, ты успокоился, – твердила Начинкина своё. – И между прочим, Лев Львович давно проследовал к Терентичу в гараж. Не забудь на годину его позвать. Напомни.

Услышав о Ласкине, Василий резко отодвинул тарелку и, не прощаясь, побежал на выход.

Начинкина в окно наблюдала за Грешновым, бежавшим

со всех ног к гаражу. Немецкая овчарка Берта еле поспевала за ним.

Нина не обиделась. Она знала, что её «залётка» боится упустить зарплату для себя и своих «оруженосцев», Никандра Уздечкина и Влада Сморкачёва.

2

В гараже Павла Терентьича, кроме хозяина и Левы Ласкина, был ещё один гость – Вилор Залесьев.

До появления Василия Залесьев жаловался на Грешнова. Говорил, что «Васька» живёт, как собака на сене. Ни себе, ни людям. Обнадёживает молодую вдову, Начинкина на него надеется, строит планы будущей совместной жизни, а он обманывает её, с женой не разведётся и на ней не женится. Вследствие чего вдова не может принять его, Залесьева, искреннее предложение руки и сердца. Этими жалобами, как Вилору казалось, он сумел снискать к себе симпатию у слушавших его.

Но вошёл Василий и всё испортил. Здороваясь со всеми за руку, Грешнов спросил:

– Терентьич, кофейком угостишь?

Воцарилось напряжённое молчание, которое разрядил хозяин.

– Ты же знаешь, у меня только чай, – сказал Огоньков.

– Тогда покрепче, – дал инструкцию вновь пришедший,

бесцеремонно усаживаясь за стол.

– Невозможно радио слушать, – выключая приёмник, сказал Павел Терентьевич, – словно член политбюро умер. С утра только и разговоров, что о принцессе Уэльской.

– Так англичане теперь наше политбюро, – съязвил Залесев. – Они и американцы. Поэтому и трубят.

Ожидая обещанный чай, Василий принялся было привычно жаловаться на тещу. Но Огоньков его перебил:

– Василёк, почему ты такси своё бросил? Тебе же нравилась эта работа.

Понимая, что это не праздный вопрос, чувствуя повышенное к себе внимание, Грешнов, как школьник у доски, принялся объясняться и оправдываться.

– Да. Работа в такси мне нравилась. А как только мой друг и напарник Юрок Дереза, чью память отмечаем ныне, сгорел в машине заживо – сразу разонравилась. Нервишки пошаливать стали. Во-первых, пересадили с «Волги» на ржавого «Москвича», а во-вторых и главных, случился со мной нервный срыв.

– Что за срыв такой? – поинтересовался Павел Терентьевич.

– На следующий день после похорон и поминок, вышел я на «линию». Проще говоря, на работу. Везу маму с дочкой. Ну, понятное дело, третье сентября, девочка ещё с радостью в школу ходит, полна эмоций.

– Так это же хорошо, – стал поторапливать Огоньков.

– Конечно, хорошо. Слушай дальше. Ученица эта стала вслух читать рассказ Чехова «Страшная ночь». Во! С моей дырявой головой, до сих пор название помню.

– И что в рассказе?

– В этом рассказе герой возвращается со спиритического сеанса и находит в своём доме гроб. Стоит домовина в комнате прямо по центру. Он бежит к другу, открывает дверь в его квартиру своим ключом. Друга нет, а в центре комнаты тоже стоит гроб. Он со всех ног мчится к родному брату – и у того гроб.

– Вспомнил! – засмеялся Вилор Капитонович, – весёленький рассказ.

– Вот и девочка всю дорогу смеялась. Читает маме вслух и хохочет. Стал я им говорить вежливо, по-человечески. У меня, говорю, напарник погиб. Только вчера похоронили. «Соболезнуем», и продолжается чтение вслух. Еле довёз, не знаю, как сдержался.

– Это же твоя работа.

– Только их высадил, тут же села старая карга, у которой из хозяйственной сумки торчал скелет человеческой руки. Стала хвастаться, внук в медицинском учится и она, по случаю, купила ему недорогое пособие. Оно и заметно, что не настоящая кость, но нервы-то пошаливают. Старуха заметила моё неудовольствие и, чтобы как-то загладить вину, стала рассказывать анекдот. Видимо, рассчитывала рассмешить. Старый анекдот про то, как на сельском кладбище,

не имеющем ограды, вырыли свежую могилу у самой дороги, а в неё провалился мужик. Темно, но чувствует, что в могиле он не один. Сначала обрадовался, появилась надежда выбраться, стал вопросы задавать – ему не отвечают. Попробовал на ощупь – шерсть и рога. Если бы блеяние не услышал, то, возможно, там бы в могиле и остался. Но перепугался до смерти. Оказывается, до него чёрный козёл в яму упал. Слышит мужик – по дороге люди идут, разговаривают. Позвал их, те подошли. Верёвку могильщики прямо у ямы оставили, чтобы с собой не таскать. Бросили прохожие мужику конец той верёвки, говорят: «Обвязывай себя, вытащим». Разумеется, сначала он привязал за рога козла, вот только предупредить об этом не успел. Те тянут, он его снизу, как может, подсаживает. Козел, как нарочно, помалкивает. Те, как вытащили, как обнаружили того, кто с ними из могилы разговаривал, разразились воплями и в ужасе разбежались. Еле...

Грешнову не дали договорить. Сначала в голос, совершенно развязно, по-молодецки, засмеялся Павел Терентьевич. Затем Лев Львович, и даже Залесьев за компанию хохотнул.

– Как? Не слышали? Это старая история, – пытался Вася утихомирить смеющихся.

– Чем закончилось? Инфарктом? – интересовался хозяин гаража, вытирая обильные слёзы.

– Убежали все. Пришлось мужику в могиле ночевать. Утром доярки шли на ферму коров доить – достали.

– Не ты ли там сидел? – не унимался Огоньков.

– Да нет же. Это старый анекдот, – подтвердил Залесьев, чувствуя, что теряет поддержку товарищей и развенчанный было негодяй Грешнов снова приобретает в их глазах благосклонность.

– Я тоже не слышал, – признался Лев Львович.

– А я слышал сто раз, – продолжал Василий, – и в сто первый с удовольствием бы послушал, но не в тот день. Рассказываю дальше. На смену старухе сел старик «некрофил». Не шучу, он сам так отрекомендовался и объяснил. «Я, – говорит, – любитель и знаток кладбищ». Пока его вёз, он меня изустно ознакомил со всеми московскими погостами, с каждым захоронением на них.

– Так уж и с каждым? – усомнился Ласкин.

– Сказал, какая из знаменитостей где лежит. Высадил его, сели ребята с Мосфильма. Ну, думаю, отдохну. Так и эти отличились. Принялись хвастаться. Открыли сумку, а в ней резиновая голова. От настоящей не отличишь, и два пятилитровых пакета с заменителем крови. Сказали адрес, там у них съёмка, вези их на квартиру. Я им спокойно, без эмоций: «Дорогие мои, я устал. Выходите». Не поняли. «Шеф, два счётчика платим. Не обидим». Я возопил, как сорвавшийся в пропасть, и полез под сидение за монтировкой.

– Да, денёк у тебя выдался, – стал заворачивать рассказчика Терентьич.

– Ещё не всё, – разошелся Грешнов. – Прихожу домой,

Олеся Наталье страшилку рассказывает про гроб на колёсиках. Вот тут я сорвался и психанул. Побежал в машину, хотел уехать, но выпил перед этим и – в первый же столб. И дома, оказывается, что-то сломал, разбил. Когда вышел из запоя, жена обвинила в рукоприкладстве. Вот как я бросил такси. Теперь – всё.

– Да-а, история, – с уважением глядя на Василия, сказал Огоньков.

– Ну, а мою историю слушать будете? – загораясь завистью к успеху Грешнова, спросил Залесьев.

– Давай-давай. Он про бабу хотел рассказать, – пояснил Василию хозяин гаража.

– Про бабу всегда готов слушать, – смирился Грешнов, принимая кружку с чаем из рук Терентьича.

– На ней был плащ летний, лёгкий, без подкладки, цвета топлёного молока, – вкрадчивым голосом радиосказочника стал повествовать Вилор Капитонович, – платье красное, шёлковое.

– Погоди, не торопись. Откуда она взялась? – проявил неожиданный интерес Лев Львович.

– Я в Академии наук работал, в Спецуправлении, – стал обстоятельно докладывать Залесьев, – это работа с секретными документами.

– Постой. Как ты попал в Академию наук? – засомневался Василий.

– Дядька меня устроил в Спецуправление. Он же в КГБ

работал. По своим каналам он меня и пристроил.

– А где это территориально находится? – засомневался и Лев Львович, – Спецуправление?

– На территории Академии наук, Ленинский проспект, четырнадцать. Там особняк – дворец Демидова. При особняке флигеля. В одном из флигелей я и работал. В этом Демидовском дворце заседали президент Академии наук и вице-президенты, и пока эту огромную «дуру» не построили. Я имею в виду новое здание. Все общие собрания проходили там. Если стоять лицом ко дворцу, то мой флигель располагался справа. Корпус два, как сейчас помню.

– И тебе сразу доверили? – усомнился Василий.

– Не сразу. Через какое-то время я стал возить секретные письма. Женщина от нас ушла, сделали меня курьером. Сначала она болела, я подменял. Допуск у меня уже был. С этим допуском я возил секретные письма в ЦК КПСС, в КГБ, в МИД. Письма, разумеется, читать я не мог. Мог только с грифом «совершенно секретно», так как у меня была вторая форма допуска.

– Секретные читать не мог, а совсекретные мог. Ты что-то заврался, – с легкой иронией в голосе сказал Василий. – Так какие же ты не мог читать?

– Не мог читать те письма, что были выше грифа «совершенно секретно». Это были письма «особой важности».

– Особой важности?

– Да. Это первая форма допуска. Читать я их не мог, но до-

ставлять по назначению приходилось. И вот дали мне одно такое письмо «особой важности», чтобы отвёз я его в ЦК КПСС, во второй подъезд, в экспедицию. Адрес: Старая площадь, дом четыре. Обыкновенно был такой маршрут: МИД, ЦК КПСС, КГБ, а ещё заезжали на Вавилова, дом сорок четыре. Но это не каждый день. А МИД, ЦК КПСС, КГБ – каждый день. А тут начальница даёт письмо и говорит: «Отвезёшь в экспедицию ЦК КПСС письмо особой важности. Но, как назло, наша машина сломалась. Вызвали машину с автобазы Академии наук. Самая обычная «Волга», с рядовым водителем. Парень не в курсе был, что у меня за документы. Но он должен был хорошо знать Москву. Но оказалось, тот, что за мной приехал, Москвы не знал. Говорю ему: «Вези в ЦК КПСС, улица Старая площадь, дом четыре». А он повёз не со стороны метро «Дзержинская», а по набережной Москвы-реки. И у него прокололось колесо. Посмотрели запаску -5 запаски нет. А я напоминаю слушателям, что вёз я письмо «особой важности» в ЦК КПСС. Оно лежало в кожаном жёлтом портфеле, запертом на замок, а ручка портфеля была пристегнута наручниками к моей руке. Такие существуют правила для спецкурьеров, не мною придуманные. Так вот. Рядом с нашей «Волгой» остановилась иностранная машина, и женщина попросила подсказать ей, как доехать до станции метро «Площадь Ногина». Мой шофёр, он же не знал, что я везу, говорит женщине: «Вы подбросьте товарища. Ему как раз по дороге. А он вам покажет». Та

и рада стараться. Подвезла прямо к церковке, что называется в народе «У чёрта на куличиках» и говорит: «Хочу в чебуречную «Сакля» зайти, купить стаканчик сметаны. Но боюсь, мужчины прохода не дадут. Проводите меня, пожалуйста, это всего пять минут». Вошли в чебуречечную, она меня взяла под руку и в туалет. Знала, где он находится. Как я уже говорил, на ней был летний плащ без подкладки цвета топлёного молока, платье красное, шёлковое. Чулки дорогие со швом сзади. И белые туфли «лодочки» на каблучках. И белая дамская сумочка. Сама светленькая, волосы, видимо, крашенные, в желтизну отдавали. Я про себя её канарейкой назвал. Губы розовой помадой накрасила, носик маленький, востренький. Зубы белые, ровные, губы тонкие. Всё время улыбалась. У иностранцев так положено. Духи – «Шанель номер пять» или даже «шесть». Приятный такой запах, ничего не скажу. Водка лимонная была, самая первая, пока не начали баловать. Вот, примерно такой запах. Плащ я с неё снял, на вешалку повесил. Туалет там просторный с окном. У окна стёкла белой краской закрашены, через открытую форточку слышно, как воробьи чирикают. Тут же, рядом с унитазом, раковина. Над раковиной старое, с обсыпавшейся серебрянкой, зеркало. Она в зеркало смотрится, губы подкрашивает, а задом трётся об меня. Я её по спине погладил – помалкивает. Расстегнул молнию, снял с неё красное платье. Под ним оказалось второе, такое же красное, но более тонкое. Называется комбинацией. Комбинацию снимать

не стал, я её просто задрал. А чтобы не спадала, когда она нагнулась, положил ей на спину портфель с письмом «особой важности». Хихикать стала. Говорит: «Портфель тяжёлый. Снимите. Мы заперты изнутри, никто его не украдёт». Шалишь, – думаю, – как-нибудь и так управлюсь. Прошёлся разок. Отдохнул. Стал по второму заходу работать и отвлёкся, а как сосредоточился снова, смотрю, она старается маленьким ключиком от моей руки портфель отстегнуть. Как дал я ей кулаком по затылку, ключик отнял и в унитаз его бросил. Говорю ей: «Стой спокойно, а то убью». Закончил дело, заправился и спрашиваю эдак строго, как это делают компетентные органы: «Разрешите взглянуть на ваши документы». Достала она из сумочки паспорт, подаёт. Раскрываю, смотрю и глазам не верю. В нём написано: «Джеймс Бонд».

Лев Львович пулей вылетел из гаража и его стошнило. Залесев посмотрел ему вслед, подумал и исправился.

– Джейн Фонда, конечно, а не Джеймс Бонд. Я всегда их путаю.

– Впечатление испорчено, – сказал Ласкин, отплеываясь, – перед глазами возник образ бородатого Шона Коннери в шотландской юбке.

Ничего не понимая, Павел Терентьевич сказал:

– Известное дело, шпионки под своим именем не работают. Чем кончилось-то? Письмо доставил по назначению?

– Да. Штаны застегнул и бегом во второй подъезд, в экспедицию ЦК КПСС. Всё успел и даже, как выяснилось, не за-

разился.

– Это ты молодец, – насмешливо прокомментировал Василий и вышел из гаража.

Подойдя к курившему Льву Львовичу, Грешнов бесцеремонно потребовал зарплату за август. Что рассердило Ласкина больше, чем путанный финал рассказа Залесьева.

– За троих получаешь, чтобы трое и работали. Зайду, проверю наличие дежурных и журнал дежурств.

– А как же. Обижаешь, – сказал Вася, пряча деньги в карман.

– И всегда в подвале должен кто-то находиться.

– Мог бы и не повторять. Ребята спрашивают, когда ломбард будет? Что же, всю жизнь в сторожах ходить? Сморкачёв и Уздечкин мне всю плешь проели: «Если не ломбард, то пусть Лев Львович даст нам магазин какой-никакой сделать. В подвале захиреем».

Ласкин многозначительно промолчал.

– Ах, да, – спохватился Василий, – у Юрка сегодня година. Нинка будет рада, если ты заглянешь. Годовщина смерти требует поминовения потому, что в этот день бессмертная душа рождается вновь для жизни вечной.

– Если дела позволят, приду, – отводя глаза в сторону, сказал Лев Львович.

– Так и передам, – пообещал Грешнов.

После гаража Василий, прибежал в подвал и, ругая Ласкина последними словами, стал раздеваться, чтобы принять душ и смыть с себя всю эту мерзость вынужденного общения с ненавистным ему человеком.

Оруженосцы после того, как остался он в одних трусах, стали над ним смеяться. Грешнов спросил, что в нём смешного, но, проследив направление их взгляда, обнаружил на себе женские трусы «неделька».

– А Нинка их ищет, весь дом перерыла, – рассеянно заговорил Василий и вдруг его глаза округлились. – Получается, я в этих трусах перед Наташкой фланировал! То-то она пригрозила, что на выставку кукол поедет. Отомстить решила!

Василий передумал принимать душ, оделся и побежал в медцентр к жене Наталье, надеясь перехватить её там и оправдаться.

Выйдя из подвала, он лицом к лицу столкнулся с заезжими бандитами, о которых ему говорила Нина.

Физически крепкие ребята в кожаных куртках остановили Василия и стали расспрашивать.

– Уважаемый, – с напускной бравадой обратился к нему самый старший из них, – можно спросить?

– Спросите, – чувствуя струйку пота, сбежавшую по спине, разрешил Грешнов.

– У вас тут есть серьёзные ребята, вроде нас, с кем можно встретиться и поговорить?

– Вам с Гимнастом надо встретиться. Он у нас самый серьёзный.

– А как он выглядит? Где его найти?

– Не надо его искать. Вы ребята заметные, он вас сам найдёт.

– Слыхали, ребятами нас назвал, – стал задираться один из бандитов, сидящих на заднем сиденье ржавого «Форда».

– Тихо, – прикрикнул беседовавший с Грешновым, не позволив приятелю распалиться. – Ну, хорошо. Если этот Гимнаст не объявится, мы к тебе ещё раз обратимся.

Слова прозвучали, как угроза, но Василий сделал вид, что не понял их в этом ключе.

– Обязательно. Обращайтесь, когда хотите. Но, Гимнаст не заставит себя долго ждать.

Грешнов сказал это с таким убеждением, что последних его слов испугались сами бандиты. И настолько силён был испуг, что те двое, которые сидели на заднем сиденье «Форда», не сговариваясь, одновременно стали умолять старшего:

– Поедем домой.

Оставив незваных гостей, Василий направился в районную поликлинику, где в правом крыле первого этажа располагался медцентр.

Натальи на рабочем месте не оказалось.

– А разве она тебе не сказала, что поедет на выставку плюшевых мишек? – спросил Мартышкин.

– Сказала, но я хотел её отговорить от необдуманных по-

ступков.

– Что, допрыгалась? – счастливо улыбаясь, спросил Валентин.

– Кто? Что? Ты о чем? – испугался Грешнов того, что целитель прочёл его мысли.

– Допрыгалась, говорю, леди Ди по кочкам. Фригидная была баба, костлявая, угловатая. И как только арабы на неё лазили? Народ, имеющий таких принцесс, обречен на вымирание.

– А Елизавета? – растерянно оправдывался Василий, словно он был англичанином.

– Лиза баба аппетитная, но уже «секонд хенд», как они же сами и выражаются. То есть «хорошо побывавшая в употреблении». А молодых таких у них нет. На Елизавету я бы забрался. Хоть и в возрасте, но настоящая женщина.

– Вот ты понимаешь толк в женской красоте, а другие меня за бабу Пашу осуждают. А она же фотографическая копия королевы Великобритании.

– Да. Точно. Баба Паша на Елизавету похожа, – засмеялся Мартышкин. – Пока английская тема не возникла, я даже как-то и не сравнивал. А сейчас припоминаю, – один в один, сестра-близнец королевы.

– Подотри слюни.

– Я не претендую, – сказал Валентин Валентинович, продолжая вспоминать образ бабы Паши и сладострастно улыбаться.

– Хватит. Кому говорю? Кстати, что с дверью входной? Не мог попасть к тебе в кабинет.

– А всё потому, что раму дверную, вместе с дверью, установили кверху ногами. И теперь, чтобы дверь открыть, ручку приходится не вниз опускать, а вверх поднимать.

Снаружи стали ломиться в кабинет.

– Вверх! Ручку вверх! – закричал Мартышкин и, не выдержав, поднялся со стула, подошёл и сам открыл дверь.

В кабинет протиснулся пациент с насмешливым выражением лица и руками, поднятыми над головой.

– Вот, все так. Как военнопленные заходят. Думают, команду «руки вверх», – пояснил Мартышкин. – Кричу, ругаюсь, а ведь мечтал лечить как доктор Галли Матье – смехом и шутками.

Выпроводив пациента и объявив десятиминутный перерыв, Валентин Валентинович стал было вспоминать свою врачебную практику. Но в кабинет, как к себе домой, протиснулся Никандр. А следом за ним вошла пожилая женщина-врач, работавшая в поликлинике. Ей было за семьдесят, полная, с одышкой.

– Ну вот. Не ломаются же, – похвалил вошедших Мартышкин и, обращаясь к женщине-врачу, бесцеремонно спросил, – чего тебе?

Видимо, не желая при посторонних говорить о щекотливом деле, она голосом диктора начала с сообщения:

– О Мессалине слышали?

– Вас, врачей, не разберёшь. Вы вот говорите «шалашовка», то есть «Мессалина», он только что называл её фригидной, мужеподобной. А хоронить, наверняка, будут как святую.

– Это же Англия. У них и пьеса есть «Много шума из ничего». На это они мастера, – комментировала слова Василия женщина-врач.

– Видимо, залетела и об этом пронюхали во дворце, – сделал вывод руководитель медцентра.

– Своевременные средства позволяют выявлять беременность уже через несколько дней. А у нас как? Забеременела и ходит пять-шесть месяцев, не зная, что беременна, – подержала Мартышкина женщина в белом халате.

Никандр окинул взглядом её округлые формы и серьёзно спросил:

– О себе говоришь? Конечно, с таким брюхом не сразу сообразишь, что беременна.

Вася и Валентин Валентинович засмеялись. Оказалось, и Никандр, и женщина-врач, обидевшаяся на слова Уздечкина, пришли к Мартышкину за спиртом. Получив желаемое, они ушли.

Хлебнули спирта и Грешнов с хозяином кабинета, и Василий стал рассказывать об отсутствующей жене:

– Наташка сначала была замужем за сыном высокопоставленного чиновника из Госплана. Но он не жил с ней как с женой. Странноватый был паренёк. Родители им на свадьбу од-

нокомнатную квартиру подарили. Купили освободившуюся по соседству с нашей. Так вот этот муж ей всё врал, что служил в спецназе. А Наташка на какие только ухищрения не шла, чтобы привлечь к себе внимание супруга. И нагишом перед ним ходила, и массаж просила сделать – не замечал. Сама будучи медиком, записалась на приём к врачу. Опасалась, не случилось ли с ней чего худого. Врач попросил её привести с собой мужа. Тот к врачу отказался идти, и вскоре они развелись. С собакой пуделем гуляла, на собачьей площадке с ней и познакомились. Через год записались. Дочь Олесю родила, успокоилась и следить за собой перестала. «Я тебе такую дочку родила, что теперь на всё имею право». Думаю: «Ты на всё имеешь право, а я только на одно – пойти налево». И пошёл.

Прятели выпили ещё, Василий захмелел и продолжил:

– И вот, когда в тесном общении с Начинкиной я достиг кульминации чувств. То есть того самого момента, что предшествует развязке. Так сказать, сексуальной судороги перед последней точкой соития... Момента наивысшего эмоционального напряжения и величайшей ответственности мужчины перед женщиной. В этот самый момент получаю по потной спине удар солдатским ремнем. Наотмашь! Причем пряжка пришлась аккурат промеж лопаток. Мелькнула мысль: «Не покойный ли Юрок с того света вернулся?».

– От кого пострадал?

– От Доминика. Её сыночек таким образом меня попри-

ветствовал.

– Ему же хочется братика или сестрёнку.

– Не смешно.

– А если серьёзно, то так и рассудка недолго лишиться, – согласился Мартышкин. – Давно это было?

– Да говорю же, вчера. Слушай дальше, еще не всё. Получил я ремнём, впопыхах оделся и убежал. Оказывается, Никины трусы на себя напялил. А дома разделся, ничего не подзревая, и хожу. Наташка стала нервно смеяться. Спрашивать, не собираюсь ли я сменить ориентацию. Но я её намёков не понял. И только сегодня обнаружил на себе трусы «неделька». Они и сейчас на мне. Хочешь посмотреть?

Мартышкин отказался.

Выпили ещё спирта и сильно захмелели.

– Бандиты пришлые объявились, – сказал Василий, – хотели меня избить, да номер у них не удался.

– Жаль, – сказал очнувшийся от пьяной дрёмы Мартышкин.

– Чего тебе жаль?

– Что номер не удался.

– А я думал, что меня не избиили.

– А почему тебя не избиили?

– Потому что руки короткие и ростом не вышли. Дети ещё, разборки со мной устраивать.

– Почему дети хотели тебя избить? Ты их, наверное, обидел как-нибудь?

– Если бы я их обидел, они бы в канаве валялись. А они ходят, улыбаются. Должно быть, уже винище пьют.

– А кто им вина купил?

– Сами купили.

– Зачем же детям продали вино?

– Сейчас кому угодно продают.

– Какие хорошие времена. А нам не продавали. Мы взрослых просили купить.

4

Находясь в подвале, на своём рабочем месте, Никандр Уздечкин беседовал с Владом Сморкачёвым.

– Василь Данилыч – наш начальник, – говорил цыган, – и мы должны ему поклоняться... Поклониться... Преклониться?

– Подчиняться, – подсказал дезертир.

– Да. Подчиняться. Благодарить Бога и Судьбу, что они послали нам такого руководителя. Ты бы, Владик, спал сейчас на канализационном люке у Казанского вокзала, а я бы жил в образе борща, обманывая старика и старуху. Он нас людьми сделал, своими компаньонами.

Когда Василий спустился в подвал, компаньоны дрались.

Разняв дерущихся, Грешнов спросил:

– Из-за чего на этот раз?

– Этот Цепеш-Дракула спросил, каким пальцем я зад под-

тираю, – серьезно ответил Никандр и, подумав, с еще большей серьезностью добавил, – то есть какой рукой.

– Ну? – не найдя в вопросе криминала, настаивал Василий.

– Я ответил. А он усмехнулся и говорит: «А я пользуюсь туалетной бумагой».

– Как дети малые, ни на минуту оставить нельзя. Сморкачёв, на, деньги, иди в магазин, купишь хлеба и продуктов. Но не транжирь зря.

Когда Влад ушел, Грешнов повернулся к Никандру и, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, спросил:

– Так, говоришь, какой рукой?

И, прежде чем Уздечкин успел разобрать его вопрос, захохотал безумным смехом на весь подвал.

Когда Сморкачёв вернулся с покупками, то стал свидетелем истошного вопля. Василий ругал Никандра.

– Что ты за человек? – кричал Грешнов, – то семь, то девять носков у тебя сушится. Почему это так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.